

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ИСТОРИЯ В РОМАНАХ»:

«МАСТЕР САХАРНОГО ДЕЛА»
МАЙТЕ УСЕДА

«В ЦАРСТВЕ ПЕПЛА И СКОРБИ»
КЕННЕТ У. ХАРМОН

«ДОЧЕРИ СЛУЖАНКИ»
СОНСОЛЕС ОНЕГА

Kenneth W. Harmon

In the Realm
of Ash
and Sorrow

Кеннет У. Харман

В царстве
пенки
и скарби

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

X21

Данное издание опубликовано при содействии Tagup
Fagerness Agency и Литературного агентства Синописис.

Перевод с английского *Михаила Левина*

Иллюстрация на обложке *Сидни Эвиденте*

Дизайн обложки *Владислава Воронина*

Кеннет У. Хармон

X21 В царстве пепла и скорби : роман / Кеннет У. Хармон; [пер. с англ. М. Левина]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 464 с. — (История в романах).

ISBN 978-5-389-26498-4

«В царстве пепла и скорби» — пронзительная история о войне, любви и втором шансе.

Жизнь американского летчика Мики была очень проста: он сражался за свою страну, выполнял приказы старших, мечтал о возвращении домой.

Проста оказалась и его смерть. Летом 1945 года его бомбардировщик разбился над японской землей.

Но его душа осталась неприкаянно блуждать по улицам города, над которым он еще совсем недавно разбрасывал листовки, побуждая японцев к эвакуации. Города, где люди, хоть и истощены войной, продолжают любить и надеяться. Города, где живут мать-одиночка Киёми и ее дочь Ай, наблюдая за которыми он открыл вдруг в себе новые чувства. Города, где жители — такие же люди, как и он, — заставляют Микку вдруг усомниться, что его командиры были правы.

Города под названием Хиросима.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Kenneth W. Harmon, 2024

© Sydney Evidente, иллюстрация

© Левин М., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается
Ребекке
со всей моей любовью*

*А также
Патрисии Столти —
чудесному другу
и чудесному писателю*

Этот мир — за что
любить его?
За поля осени,
Подсвеченные в сумерках
Вспышкой молнии.

— *Минамото-но-Ситаго*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смерть шла за Микой Лундом неотступной тенью.

Она присутствовала на инструктажах и совещаниях в виде пустых стульев и скамеек. Она слышалась в разговорах людей, уставших воевать. Даже во сны его ночь за ночью вторгалась смерть, и снился ему брат Ливай, убитый на Гуадалканале, и мать, умершая вскоре после этого от разрыва сердца.

Мика выпрямился на жестком сиденье бомбардира в кабине «Б-29» и вздохнул. За плексигласовым фонарем кабины краской на холсте синели волны Филиппинского моря, и между клочьями белой пены на гребнях волн вспыхивало солнце. Но красота окружающего мира не могла развеять мрачное настроение Мики. Слишком часто он видел, как друзья камнем падают с ночного японского неба навстречу неизвестной судьбе, к волне огня, с ревом проносющейся по бомбардируемому городу.

Сидящий у него за спиной командер Адамс поднял нос самолета вверх.

— Как там температура двигателей? — затрещал его голос в интеркоме.

— Четвертый слегка перегревается, — ответил голос бортмеханика, — но держится на двухстах тридцати.

Чем ближе к Хонсю, тем сильнее менялась атмосфера в кабине. Шуточки и треп прекратились, изможденные лица напряглись. Вдали появились темные очертания острова. Мика взял интерком:

— Коммандер, подходим к Сикоку.

— Вижу. Все по местам.

Самолет миновал Сикоку, и из моря возникли серые очертания Хонсю. Берег по правому борту был накрыт тяжелым дымом.

— Гляньте, парни, — сказал коммандер Адамс, — это Осака горит. Ребята из четырехста сорок девятого ее вчера вечером навестили.

Он накренил машину влево. Внизу лежало Внутреннее Японское море — пролив, отделяющий Хонсю от Сикоку и Кюсю и соединяющий Японское море с Тихим океаном. Пролив пестрел песчаными островами.

— Идем на Хиросиму. Готовы вводить данные в прицел, лейтенант Лунд?

— Так точно, сэр! — отрапортовал Мика.

Он стал задавать значения скорости, высоты, температуры и атмосферного давления. Закончив, сверился с математическими таблицами справочника для синхронизации прицела и скорости самолета. Остановился, взял микрофон и высказал не дающую ему покоя мысль:

— Командир, а зачем мы тут занимаемся разьяснительной работой? Не лучше бы нам было бросать на

врага бомбы, а не листовки, предупреждающие его, чтобы убежал?

— От листовок рабочие заводов разбегаются, и это снижает выпуск военной продукции.

— Если этих рабочих убить, выпуск военной продукции и вовсе прекратится.

Адамс улыбнулся:

— А ты здорово джапов ненавидишь.

— После того, что они сделали с моими родными?

Ненависть — это предыдущая стадия.

Впереди появилась Хиросима. Расположенный на берегу широкой плоской дельты реки Оты веерообразный город распростерся на шести островах, образованных семью рукавами речного русла. Город окружали волнистые спины зеленых холмов. Каждый раз, пролетая над Хиросимой, Мика вспоминал Беллингэм. Над районом Накадзима-Хонмати держалась странная желтая дымка, как над пустыней после песчаной бури.

Из-под самолета стали вырываться клубы серого дыма.

— Осколок поймали от зенитки — низко заходим, — сказал командир. — Передаю управление бомбардиру.

Мика наклонился к прицелу бомбосбрасывателя. Возле берега реки Мотоясу блеснул медью на солнце зеленый купол Выставочного центра. Мика подрегулировал зеркало, измеряющее переменный угол приближения к цели, и навел его на Т-образный мост Айои. Тут весь корпус бомбардировщика встряхнуло. Зазвучал из интеркома пронзительный голос бортмеханика:

— Авторотация на четвертом двигателе!

— Отменяем бомбометание? — спросил Мика.

— Нет, — ответил Адамс. — Наводи на цель.

— На трех двигателях точности не будет.

— И черт с ней, это же листовки.

С металлическим скрежетом раскрылся бомболюк. Если Мика рассчитал верно, бомбы вылетят в тот момент, когда самолет будет находиться в намеченной точке над мостом.

Самолет взмыл вверх, выпустив груз.

— Сход бомб! — доложил Мика и резко обернулся посмотреть на их падение. В этот же самый момент детонационный шнур разорвал бомбы, и миллион листовок разлетелось в небе как конфетти. Мика потянулся к микрофону, чтобы доложить об успешном разлете листовок, и ноздри его дернулись от запаха чего-то горелого. В кабину тянулся сероватый дым.

— Поставить створки капота на третьем двигателе и достать огнетушитель! — приказал командир. — Если огонь дойдет до лонжерона, нам крышка!

Мика глянул на лежащий у ног парашют. В случае посадки — верная смерть от голода, пыток, обезглавливания. Уж лучше умирать на своих условиях. Однако сейчас, когда возможность смерти стала реальной, оказалось, что решимость его пошатнулась

Самолет шел на север над горами Тюгоку. Адамс сказал в микрофон:

— Разворачиваемся. Если дальше идти на северо-запад, придем к Японскому морю, а там наших подлодок нет, эвакуировать нас некому. Единственный наш шанс — вернуться назад. Если доберемся до океана, нас может найти подлодка или патрульный гидроплан.

Дым стал гуще, Мика закашлялся. Разъедало глаза, они слезились. Адамс завершил вираж, и теперь само-

лет снова шел на Хиросиму — вот уж чего Мика видеть не жаждал. От горящего крыла доносился треск. Мика повернулся к командиру — у того костяшки пальцев побелели на ручке управления. Мика подобрал с пола парашют. За пультом бортмеханика все было скрыто дымом.

— Не дойдем до океана. Включай сигнал тревоги, — велел Адамс. — Готовимся прыгать.

Грянули три коротких звонка, и командир потребовал от каждого члена экипажа в переднем и заднем отсеке подтвердить получение приказа.

— Выпустить переднее шасси! — Адамс закашлялся и показал на Мику. — Как только шасси выйдет, вываливайся из машины. И особенно теплой встречи не жди.

С металлическим скрежетом опустилось переднее шасси, дверь отъехала на пару дюймов, и ее заклинило.

— Гребанное шасси! — выругался командир. — Видимо, пожар повредил гидравлику. Значит, каждый вслед за Микой через бомболюк.

— Через соединительный лаз с надетым парашютом не пролезть, — напомнил Мика.

— Снять парашют, пролезть в бомбовой отсек и там надеть его снова, — ответил Адамс.

Мика зажал парашют в руке и пополз к переднему бомбовому отсеку. Закашлялся, вдохнув дым, в глазах помутнело. Верхнюю губу залило слизью из носа. Мика пополз через клубы дыма, сдвинулся направо, к нижней пулеметной турели.

— Ты тут, Бливинс? — спросил он, проползая мимо штурманского стола.

Ответа не было.

Мика стукнулся о переборку, провел руками по стали, ища люк, ведущий в негерметичный бомбовой отсек. Открыл его, пахнуло холодным воздухом. Мика пропихнул в лаз парашют, пролез следом сам. Мир закружился, и Мика закрыл глаза. Головокружение миновало, Мика опустился на узкий карниз, окружающий створки бомболюка. В самолете ревел ветер, угрожая высосать Мику прочь. Он замешкался, внимание привлёк дым, проникающий в лаз. Где все ребята? Они ж должны были идти прямо за ним?

Он натянул лямку парашюта на левое плечо, и тут раздался громopodobный треск, самолет трянуло, и Мику бросило в открытый люк. Пальцы левой руки ухватились за край, сталь содрала кожу, небо окрасилось кровью. Мика вывалился в люк, а самолет застыл раненым зверем и унесся прочь, оставив человека в пустоте.

Изо всей силы вцепившись в парашют, Мика пытался поймать болтающуюся правую лямку. Сердце ухнуло куда-то вниз, как на американских горках. Леденящий воздух сковывал пальцы, но они продолжали ловить лямку. *Еще чуть-чуть. Уже почти.*

Его ударило мощным порывом ветра. Парашют вырвался и закувыркался — уже не достать.

Земля летела навстречу зелеными и коричневыми бликами. Небо переливалось, как в летнюю жару воздух над асфальтом. Мика хватался за пролетающие облака, будто это чем-то могло помочь. Внизу, уходя к холмам, раскинулись здания Хиросимы. Синие реки сшивали между собой острова, как лоскуты одеяла. Пылающее наверху солнце потускнело, и человека накрыло завесой тьмы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утренний бриз качнул *фурин*, и раздался тихий стеклянный звон. Киёми Осиро улыбнулась ветряному колокольчику. Она бы подождала вешать *фурин* до лета, но Ай очень просила сделать это пораньше, и на этот раз Киёми была рада, что уступила капризу восьмилетней дочери — приятный звон отвлекал от мыслей о войне. Она вывесила остальные футоны на перилах веранды, и белые простыни повисли как призраки-*юрэи*, выдохшиеся после целой ночи погонь. Но она и не надеялась найти футоны чистыми, когда вернется домой с завода: с улицы Како-мати, где работали мобилизованные студенты, снося дома и возводя противопожарные барьеры возле правительственных зданий, летела желтая пыль. От этого зрелища Киёми замутило, и сразу же к этому добавилась исходящая от грязи вонь и ощущение песка во рту. С далеких синих холмов прилетели два коршуна. Охотники парили над городом, крича «Пи-йоройро, пи-йоройро!» Тени коршунов пролетали по бумаге сёдзи, и Киёми вспомнила старую примету: если по бумажной двери пройдет тень птицы, это предвещает гостя.

Ай вылезла из *дома* в носках, держа в одной руке *гэта*, а в другой — холщовый тревожный мешок. Киёми не успела сделать выговор, как Ай развернулась и крикнула в дом:

— Я ухожу! — И обернулась, застенчиво улыбаясь: — Ой, мама, простите меня!

— Так, погоди-ка. Ты опаздываешь из-за бабушки с дедушкой?

Кровь бросилась в лицо Ай, щеки слегка порозовели. Киёми не могла не улыбнуться, глядя в темные искренние глаза дочери. Хотелось протянуть руку, прижать Ай к себе, ощутить, как бьется ее сердце, почувствовать ее дыхание. Услышать цветочный запах бархатистых волос, обнять и не отпустить никогда.

— Ты так и собираешься весь день проходить в носках?

— Прошу вас, простите мою ошибку.

Ай разжала руку, *эта* стукнулись об пол веранды. Девочка их надела и выпрямилась, как солдат по команде «смирно».

— Я готова.

Киёми оглядела дочь и сжала зубы. Ай полагалось бы надевать в школу матросский костюм, а не мешковатое серое *монпэ* и деревянные башмаки. Война всех их превратила в крестьян.

Киёми тронула деревянную плашку на поясе Ай с гравировкой имени и адреса девочки, чтобы власти могли найти Киёми, если их с дочерью разлучит воздушный налет.

— Пакет первой помощи у тебя с собой?

Ай подняла свою тревожную сумку.

— Собран и готов.

— А где стеганный кашюшон?

Ай уставилась на собственные ноги:

— В школе.

— Ты забыла принести его домой? А если бы бомбардировщик вернулся и сбросил бомбу? Тебе было бы нечем защитить голову.

— Прошу вас простить мою небрежность.

Ай подняла глаза, ища сочувствия.

— Что-то ты много извиняешься сегодня. — Киёми протянула руку. — Пойдем.

Отодвинув щеколду боковой калитки, Киёми вывела Ай на Тэндзин-мати. Они, держась за руки, прошли этой тихой улицей мимо домов и лавок. Столпившиеся здания оставляли узкий проход, их мрачные деревянные стены и черная черепица крыш усиливали меланхолию военного времени.

— У меня ночью был кошмар, — объявила Ай.

— Все тот же?

Ай кивнула.

— Кто-то гнался за мной в темном доме.

Гэта стучали по брусчатке, стук отражался эхом от зарешеченных окон.

— Вы меня слышите, мама?

Киёми уверенно улыбнулась дочери.

— В твоём возрасте я тоже мучилась кошмарами. И мой дядя Хидэо мне сказал, что кошмары вызываются злыми духами. И еще сказал, что каждый раз, когда я просыпаюсь от плохого сна, надо попросить Баку, поедателя кошмаров, чтобы он проглотил этот сон. Тогда кошмар превратится в доброе предзнаменование.

— И это правда?

— Тебе надо будет самой попробовать.

— Хорошо, мама. Я попробую.

Они свернули на улицу Накадзима-Хондори в направлении Мотоянаги-мати и реки Хонкава. Улица, кипевшая жизнью, отходила от Старого Саниосского шоссе. Здесь толпились покупатели, била ключом жизнь в магазинах. А сейчас дул ветер, щелкал перед пустыми зданиями *канбан*, и зывали к опустевшей Хиросиме вывески магазинов.

Мать с дочерью миновали закрытый ставнями обувной магазин Яно, писчебумажную лавку Савамура, лакокрасочный магазин Омото. Киёми остановилась перед закрытым книжным магазином Тада, вспоминая, как проводила тут долгие часы, листая книги. Господин Тада добыл ей контрабандой экземпляр «Сестер Макиока» еще до того, как правительственные цензоры окончательно запретили эту книгу.

Господин Хамаи подметал тротуар возле своей парикмахерской — одного из немногих заведений, выживших в обстановке военных лишений. Увидев Киёми и Ай, он улыбнулся.

Киёми остановилась перед ним и поклонилась.

— Доброе утро, господин Хамаи.

Господин Хамаи прижал метлу к груди и поклонился в ответ.

— Доброе утро, Киёми-сан и Ай-тян. Какой чудесный день сегодня!

— Как идут ваши дела?

— Самым наилучшим образом. Спасибо, что спросили, Киёми-сан.

— Доброго вам дня, — сказала Киёми и, снова поклонившись, двинулась дальше.

Ай приблизилась к ней и прошептала:

— А почему заведение господина Хамаи все еще работает, когда столько других закрылось?

— Магазины не могут работать, если им нечего продавать. А стричься мужчинам все равно нужно.

По улице прогрохотал армейский грузовик, взметая колесами пыль. В кузове стояли солдаты с усталыми лицами. Они совсем не были похожи на тех гордых людей, что маршировали когда-то по улицам

города к гавани Удзина, отправляясь на войну, а публика встречала их криками восторга и взмахами флагов с изображением солнца.

Возле бывшего магазина одежды Матоя Киёми свернула в переулок, ведущий к школе, увлекая за собой Ай. В переулке царил полумрак, и Киёми невольно вздрогнула, раздумывая над вопросом Ай. Обычно девочка никогда не спрашивала о войне, будто если о ней не говорить, то ее и не будет.

В конце переулка вновь показалось небо, приветливый и теплый солнечный свет. Слева в молчаливом покое раскинулось кладбище, и черные надгробия поглощали утренний свет. Справа на детской площадке национальной школы Накадзима праздновала новый день молодая жизнь. Слышались радостные крики и детский смех. Двухэтажное деревянное строение уходило вдаль в виде буквы Г. Часть площадки была превращена в Сад Победы. Площадка казалась больше, потому что детей с третьего класса и старше эвакуировали в храм Соходзи в районе Мирасака-тё. Мальчишки, похожие в противовоздушных капюшонах на маленьких самураев, боролись друг с другом. Другие запускали волчки или играли в шарики. Девочки играли в «апельсины и лимоны», в *дзянкэн* или просто стояли, болтая и глаза на мальчишек.

— В чем дело? — спросила Киёми.

Ай глянула на площадку и снова на мать. В черных глазах стоял вопрос.

— Что-то случилось?

— Норио хвастался, что у него отец — герой войны.

— *Хай*. Он флотский офицер.

— А мой отец?

Киёми заколебалась. Ей очень не нравилось врать дочери, но родственники со стороны ее отца считали, что так будет лучше всего.

— Он пропал без вести в боях в Китае. Почему ты спрашиваешь? Я тебе уже говорила.

Ай ногой оттолкнула камешек, тот запрыгал по земле.

— Мой настоящий отец — Дзикан?

Киёми ощутила дрожь под ложечкой, будто взлетела сразу тысяча бабочек. Она предвидела, что этот день настанет... и все равно не ожидала его так быстро. Она прикинулась, будто не поняла:

— Мне непонятен твой вопрос.

— Я слышала, как это обсуждали *баа-баа* и *одзисан*. Они говорили, что мой отец приехал из Токио.

— *Хай*. Мы познакомились до войны.

— Вы были женаты?

— Не были.

— Почему?

Киёми потянула Ай за руку, увлекая за собой.

— Поговорим об этом в другой раз.

— Вы его любили?

Киёми вспомнила тепло его губ в парке Хибия. Мускулистую руку у себя под блузкой, скольжение мягких пальцев вверх по ребрам. Через несколько месяцев она стояла одна на мосту Рёгоку в свете полной луны. У нее в руке поблескивал кинжал, а голос в голове уводил прочь от невидимого мира.

— Он был хороший человек, — соврала Киёми второй раз за утро. Она показала движением головы на ожерелье Ай — цепочку с серебряной луной. — Вот это он мне подарил.

Ай потрогала маленькую луну в ямке у себя на шее. Ожерелье было самой большой ее драгоценностью.

— Вы друг друга любили?

Киёми вздохнула — дочь задавала трудные вопросы. И очень несвоевременные.

— *Baa-baa* говорит, что у вас внутри живет червь.

— Червь? — моргнула Киёми.

— *Хай*. Червь печали.

Киёми подавила смешок.

— Червь печали? Глупости. У меня нет причин грустить, когда у меня такая дочь.

— Мама, а война когда-нибудь кончится? Я хочу на лошадиную ярмарку.

— На лошадиную ярмарку? В Сираити?

— *Хай*.

— И зачем ты туда хочешь?

— Сладкой ваты поесть.

— Сладкой ваты? — Киёми усмехнулась невинному желанию дочери. — Потерпеть придется, любовь моя. Мы сражаемся за Императора, и только Император решит, когда война кончится.

— Мия говорит, что скоро здесь будут американцы.

Киёми остановилась и огляделась — не слышал ли кто-нибудь.

— Никогда такого больше не говори никому. И не всякому слуху верь. Рот — ворота, через которые приходит беда.

— Я понимаю, мама.

На краю школьного двора Ай приподняла клапан тревожного рюкзака.

— Что вы мне положили в *бэнто*?

— А что бы ты хотела там увидеть?

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Кеннет У. Хармон

В ЦАРСТВЕ ПЕПЛА И СКОРБИ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *М. Исаева*
Научный редактор *В. Барсукова*
Художественный редактор *В. Воронин*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Е. Шумская, А. Брусник*
Верстка *Ю. Фролкина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.04.2025.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.

Тираж 3000 экз. Т-НІВ-35482-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа	«Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –	«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
обладатель товарного знака Азбука	Азбука тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа	Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус»	«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы»
в г. Санкт-Петербурге	ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)